

Чу Фэнцин открыл рот, но долго не мог найти слов. Если бы кто-то другой сказал такое, он счёл бы это пустой болтовнёй. Но Цзи Юйцзинь был другим — он и впрямь мог это сделать.

Если Цзи Юйцзинь и впрямь снимет всю одежду и ляжет на его... Чу Фэнцин закрыл глаза: это было воистину неприглядно.

Чу Фэнцин прикрыл лоб рукой:

— Ты... успокойся.

Цзи Юйцзинь:

— Вот теперь испугался?

Скажи-ка... кто бы не испугался?

Цзи Юйцзинь улыбнулся:

— Теперь страшно? Если страшно, тогда больше не прячься.

С задёрнутым пологом пространство между ними было слишком маленьким, и дыхание одного могло смешиваться с теплом другого. Тесная обстановка при свете свечи всегда создавала лёгкую двусмысленность. Чу Фэнцин чувствовал себя неловко и потянулся, чтобы подвесить полог.

Он поджал губы и произнёс слова, вертевшиеся у него на языке в последние несколько дней:

— Цзи Юйцзинь, я хочу кое-что с тобой обсудить.

Цзи Юйцзинь:

— Эн?

— Я хочу покинуть особняк.

Цзи Юйцзинь отпустил его подбородок, немного нахмурился и спокойно сказал:

— Покинуть особняк?

— Это значит, что ты навсегда разорвёшь со мной все связи?

Чу Фэнцин на мгновение опешил. Хотя это было не совсем то, что он имел в виду, но он и впрямь хотел избавиться от этой личности. Теперь, когда Цзи Юйцзинь знал, кто он на самом деле, он больше не мог продолжать такие нелепые отношения.

Он всегда думал, что чувства Цзи Юйцзиня к нему — лишь иллюзия, созданная его внешностью. Он всё время носил женскую одежду и ничем не отличался от девушки, но на самом деле это было не так. Он был мужчиной.

Ему нравился не он, ему нравилась «Чу Иньинь» в женском платье.

Чу Фэнцин поджал губы и ничего не сказал, что было воспринято как согласие.

Выражение лица Цзи Юйцзиня мгновенно изменилось. Он выпрямился и посмотрел на Чу Фэнцина с полуулыбкой:

— Даже не думай.

Его лицо было злым. Он посмотрел на Чу Фэнцина и сказал:

— Если ты посмеешь сбежать, я сломаю тебе ноги и запру в тёмной комнате.

Чу Фэнцин: «.....» Он не верил в это.

Цзи Юйцзинь прижал кончик языка к нёбу, явно разозлившись. Он отступил на несколько шагов назад и наткнулся на чашку на столе, которая упала на пол с треском.

Оба слегка опешили. Цзи Юйцзинь нахмурился, посмотрел на осколки по всей комнате и тихо выругался. Он не обернулся, чтобы посмотреть на выражение лица Чу Фэнцина, боясь, что его собственное лицо сейчас слишком уродливо и напугает его. Он никогда в жизни не был таким трусом.

Он помолчал мгновение, а затем ушёл, не сказав ни слова.

Глаза Чу Фэнцина потемнели, и в следующий миг его тело двинулось само. Он встал и бросился за ним:

— Цзи Юйцзинь.

Цзи Юйцзинь остановился и сказал:

— Если ты всё ещё хочешь говорить об этом, я не позволю.

С этими словами он продолжил идти вперёд. Чу Фэнцин смотрел на его спину. Честно говоря, он никогда не думал о делах между мужчинами и женщинами за все эти годы. Во-первых, он никогда не встречал того, кем восхищался бы, а во-вторых, у него было слабое здоровье, и он не хотел быть обузой для других, так что он даже никогда не думал о создании семьи.

Впервые ему пришлось иметь дело с таким чувством, и человеком, с которым он столкнулся, был Цзи Юйцзинь. На мгновение он растерялся и не мог придумать никакого решения, кроме как спрятаться и сбежать.

Чу Фэнцин сжал кулаки. На нём был лишь один слой одежды, и ветер унёс то небольшое тепло, что ему удалось накопить на теле, и оно полностью остыло. Он и впрямь не понимал, как ему следует правильно относиться к Цзи Юйцзиню, точно так же, как не понимал, почему он побежал за ним.

Цзи Юйцзинь был очень зол, выйдя из комнаты Чу Фэнцина. Лао Мо смотрел на него с некоторым недоумением. Обычно он всегда был в хорошем настроении после встречи с госпожой, и он не понимал, что происходит на этот раз.

Цзи Юйцзинь налил чашку чая и, только сделав глоток, вспомнил о стеклянных осколках, разбросанных по полу у Чу Фэнцина. Он сказал с мрачным лицом:

— Лао Мо, пошли кого-нибудь убрать комнату Госпожи.

Лао Мо не осмелился спросить, что случилось, и почтительно ответил:

— Да.

Как раз в этот момент появился Цин Няо и сказал:

— Хозяин, там внизу несколько человек упрямылись, и им никак не могли развязать языки.

Цзи Юйцзинь криво прислонился к стулу и поставил чашку в руке на стол. Чашка треснула, и чай пролился. Он тупо уставился на чай, капающий на его руку.

Лао Мо взглянул на Цин Няо и хотел обменяться информацией, но Цин Няо был просто деревянным человеком с серьёзным лицом и без всякого выражения.

Лао Мо вздохнул и решил вместо этого пойти проведать госпожу.

После ухода Лао Мо Цзи Юйцзинь достал белоснежный платок, вытер им руки и сказал Цин Няо:

— Пойдём, я пойду взгляну.

Цин Няо опешил, услышав его слова, потому что Цзи Юйцзинь уже давно не участвовал в допросах, и можно было сказать, что не было таких уст, которые он не мог бы открыть.

Цин Няо:

— Да.

Той ночью стражники Сичана и Цзиньвэя снова стали свидетелями методов Цзи Юйцзиня. Когда Цзи Юйцзинь отправился ко двору на следующий день, все они молчали и не осмеливались создавать никаких проблем.

Лицо Цзи Юйцзиня было мрачным весь день. Ли Юй пришёл посмотреть на веселье, но был пойман Цзи Юйцзинем ещё до того, как вошёл в комнату.

Ли Юй двигался с осторожностью, каждый шаг медленный и обдуманный. Для кого-то столь искусного в лёгких боевых искусствах необходимость вести себя подобным образом была воистину досадной.

Цзи Юйцзинь прислонился к двери, скрестил руки, посмотрел на глупое поведение собеседника, нахмурился и сказал:

— Ты что здесь делаешь?

— А!

Ли Юй испугался. Обернувшись и увидев, что это Цзи Юйцзинь, он рассмеялся:

— Ха-ха, я слышал, тут что-то происходит, вот и пришёл посмотреть... Тьфу! Я просто пришёл посмотреть, не могу ли я чем-то помочь.

Цзи Юйцзинь:

— Можешь. Чжао Ли как раз не хватает людей, можешь пойти на два дня.

Ли Юй: «.....» Чжао Ли убежал в сторону военного лагеря. В конце концов, лагерь, которым управлял Цзи Юйцзинь, — не место, где люди могут расслабиться. Он думал, что уже

достаточно крепок, но даже добраться туда всё равно требовало немалых усилий.

— Брат, я был неправ. Смотри, я тебя не провоцировал. Если кто-то тебя провоцирует, ты должен пойти и найти этого человека, верно? Нельзя же, чтобы я всегда был козлом отпущения.

Цзи Юйцзинь прижал верхнее небо кончиком языка. В тот момент его разозлил сам небесный царь, и он и впрямь не мог его найти.

Он вошёл в комнату, закрыл дверь и сказал:

— Три дня.

Три дня? Какие три дня?

А, пойти в военный лагерь на три дня.

Я... ты... чёрт тебя побери! Цзи Юйцзинь!

Цзи Юйцзинь подпёр подбородок рукой. Он чувствовал себя сварливой женщиной.

В этот момент люди внизу привели слугу. Ноги слуги дрожали с тех пор, как он вошёл в комнату. Он даже не осмеливался поднять глаза, чтобы посмотреть на него, и его голос дрожал так, что они почти не могли его слышать.

Цзи Юйцзинь издал звук «Ц-ц», и слуга внизу рухнул. Он недоумевал. Все боялись его, но почему человек в его доме не боялся? Он лгал ему и даже хотел разорвать с ним связи. Он коснулся рукой подбородка. Что, чёрт возьми, пошло не так?

Тревожные люди.

Слуга говорил запинаясь, но его едва можно было слышать. Под его началом также работало несколько гражданских чиновников. Литераторы любили собираться вместе, чтобы поболтать и выпить. Более того, большинство мест, которые они выбирали, были тесно связаны с женщинами из Красного Особняка¹, и слово «романтика» служило для их обозначения.

¹Красный Особняк — попросту говоря, бордель.

Они прислали слугу, чтобы пригласить его в Красный Особняк на состязание в выпивке. Раньше ему не нравилось туда ходить, потому что он всегда чувствовал, что там слишком шумно и немного беспокойно.

Сегодня он на мгновение заколебался и наконец кивнул:

— Хорошо, иди и ответь им, скажи, что я скоро буду.

Юный слуга опешил, и даже стражники, ждавшие рядом, были немного удивлены. Просто пойти — он не мог быть единственным, кто всё время ревнует. Он был целомудренным человеком, а собеседнику было всё равно, и он просто хотел порвать с ним.

Лицо Цзи Юйцзиня становилось всё мрачнее, пока он думал об этом. Он махнул рукой и велел кому-то вынести слабоногого слугу.

С другой стороны, Чу Фэнцин ходил в тюрьму, и состояние его отца значительно улучшилось. Теперь он мог даже узнавать его. Он был в сознании примерно по часу каждый день, хотя время было непредсказуемым: иногда утром, иногда днём, а иногда и ночью. В этом не было никакой закономерности.

Он мог узнавать людей без ошибок, но помимо этого он всё ещё ничего не мог вспомнить.

Проверив пульс отца, Чу Фэнцин осторожно расчесал его волосы и собрал их в пучок. Его отец любил чистоту и больше всего заботился о своём внешнем виде. Ему, должно быть, было неудобно, когда он выглядел неряшливо. Он и впрямь хотел спасти отца до того, как тот поправится, но самые важные улики были спрятаны отцом.

Он обыскал всё, что мог, но так и не смог найти их. Он и впрямь не мог придумать, где ещё отец мог их спрятать, так что ему оставалось только ждать.

Закончив со всем, Чу Фэнцин вернулся домой.

Первым, кого он увидел по возвращении, был встревоженный Лао Мо. Куда бы он ни шёл, Лао Мо следовал за ним. Лао Мо был не из тех, кто умеет скрывать что-либо. Они пробыли вместе так долго, что он постепенно понял его характер. Обычно, когда он вёл себя подобным образом, это означало, что он что-то скрывает от него.

Единственным пересечением между Лао Мо и ним был Цзи Юйцзинь.

Чу Фэнцин:

— Где Цзи Юйцзинь?

Лао Мо: «.....» Чего боишься, то и сбудется.

И Цзи Юйцзинь был выдан, но то, как Лао Мо узнал об этом, — это долгая история.

Чу Фэнцин нахмурился:

— Красный Особняк?

Лао Мо сокрушался и сказал:

— Госпожа, нашего Хозяина на мгновение околдовали и утащили эти бездельники. Не хотите ли вы пойти поискать его?

Искать его? С какой стати ему искать его? Это его свобода. Это не имеет к нему никакого отношения.

Чу Фэнцин покачал головой и плотнее запахнул лисью меховую накидку. Тень промелькнула в его ясных глазах, но он сам этого не заметил.

Вернувшись в комнату, Чу Фэнцин, как обычно, начал упражняться в каллиграфии, но по какой-то причине, сколько бы листов он ни списывал, он всегда в конце концов допускал ошибку. Он комкал бумагу снова и снова, пока бумаги вокруг него не накопились.

Чу Фэнцин на мгновение опешил, затем медленно отложил кисть.

В этот миг он понял, что не был таким уж отрешённым от мира, как он себе представлял.

В конце концов, он был в смятении.

Он встал и надел лисий мех. Рана Цзи Юйцзиня только что зажила, и остатки яда ещё не вывелись, а он уже пошёл пить. Он что, хочет покончить с собой?

Когда Лао Мо услышал, что его госпожа собирается лично отправиться в Красный Особняк, его глаза расширились, словно фонари:

— Нет, нет, Госпожа, как вы можете ступить в такие места? Госпожа, прошу, пошлите кого-нибудь пригласить Хозяина обратно.

Как Цзи Юйцзинем можно было так легко манипулировать? Чу Фэнцин очень хорошо знал его характер. Если бы он послал кого-то наугад, тот, возможно, даже не увидел бы его лица.

К тому же он даже не был настоящей женщиной.

Редко когда он был так упрям, что даже Лао Мо не мог его отговорить. Ему нестерпимо захотелось пойти и увидеть, что Цзи Юйцзинь делает в борделе и с кем он пьёт.

Лишь когда экипаж тронулся в путь и остановился снаружи Красного Особняка, он внезапно пришёл в себя. Он прикрыл лоб рукой, гадая, какую глупость он делает.

Когда великолепный экипаж приблизился, старая хозяйка Красного Особняка наблюдала, а Чу Фэнцин стиснул зубы и отдернул занавеску. Увидев его захватывающее дух лицо, старая хозяйка снаружи на мгновение опешила, её глаза несколько раз удивлённо засияли.

Затем она ясно увидела, что это девушка, и вдруг озадачилась:

— Госпожа, почему вы здесь...

С другой стороны, Красный Особняк, в который вошёл Цзи Юйцзинь, не занимался интимными отношениями, а лишь предлагал певичек, исполняющих песни. Однако эта шумная обстановка всё равно заставила его глубоко пожалеть об этом. Что это было... Возможно, он не сможет ранить врага, но сам пострадает не меньше, чем на тысячу жертв.

Он специально попросил Цин Няо передать новость Лао Мо. Лао Мо был хорошим человеком во всех отношениях, кроме того, что не умел держать язык за зубами. Чу Фэнцин обязательно узнает об этом.

Он представил себе мрачное лицо Чу Фэнцина, когда тот позовёт людей искать его, и его сердце смягчилось, чувствуя себя очень гордым.

Но это длилось недолго. Он ждал долгое время, но ни один слуга не пришёл, чтобы уговорить его. Он даже несколько раз выходил проверить и, убедившись, что никакой слуга не идёт, излучал ауру «держись подальше, посторонние» и сидел там, выпивая бокал за бокалом.

Толпа не знала, так как все уже выпили по нескольку унций вина, поэтому они думали, что он состязается в выпивке, и все подходили к нему, чтобы поднять тост.

Один бокал за другим — это и впрямь раздражало. Цзи Юйцзинь провёл рукой по краю бокала, его красная одежда была поразительно заметна:

— Нудно пить с каждым из вас по очереди, так что я приму вас всех за одним столом.

— Как и ожидалось от Главы. Такой щедрый!

— Глава, вы так отважны! Ха-ха-ха, но не стоит недооценивать нас.

Место мгновенно ожило. Цзи Юйцзинь принимал все напитки, и у него даже немного закружилась голова от такого количества выпитого.

В этот момент позади него раздался холодный голос:

— Цзи Юйцзинь.

<http://bllate.org/book/17231/1616646>